

Л.В. Матвеева

НАЧАЛО НАУЧНОГО ВИЗАНТОВЕДЕНИЯ (XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

История зарождения и становления научного византоведения уходит корнями в XVII–XVIII век, о чем писал известный российский византинист и арабист А.А. Васильев. Основательницей научного византоведения ученый называл Францию XVI в.¹, подчеркивая, что еще в 1648 г., под покровительством Людовика XIV и министра Кольбера, здесь вышел первый том собрания византийских историков. До 1711 г. издано было всего 34 тома. Исторический материал говорил сам за себя. И в год появления первого тома парижского собрания, удивительного для своего времени, его издатель Филипп Лабб (1607–1667) напечатал воззвание к исследователям византийской истории, в котором обращал внимание на особенный интерес к столь удивительной по качеству событий, столь привлекательной по разнообразию, столь замечательной по прочности монархии. Лабб призывал европейских ученых отыскивать и издавать документы, “погребенные в пыли библиотек” и архивов, обещал всем, кто занимается византологией, “вечную славу, более прочную, чем мрамор и медь”².

Известный византолог Ф.И. Успенский отмечает, что в 1648 г. при издании Извлечений о посольствах впервые говорилось о положении византоведения. Во введении Лабб подчеркивал, что византийская история составляет предмет общего внимания ученых. Книги, посвященные истории Византии, “усердно” требуются, везде разыскиваются, но большая часть византийских историков остается в рукописях, покрытых пылью и паутиной.

В своей статье “Из истории византоведения в России” Успенский более глубоко вникает “в предмет зарождения и состояния византоведения” во Франции, стране, “которая по справедливости должна

считаться основательницей и главной поощрительницей этой области изучений”³. Ученый пишет, что во Франции и в Германии собиранием византийских кодексов, а также произведений классических писателей, скупкой рукописей в Константинополе, в Малой Азии, в различных монастырях и церквях, занимались давно как правительственные лица, так и многие из духовных и светских меценатов. Из этих приобретений и появились в печати отдельные писатели. Историк все же считал, что это были “случайные попытки”, освещающие некоторые эпохи истории Византии. Планомерное и систематическое издание византийских писателей Успенский связывает с появлением кружка, который образовался в Париже, где значительное влияние имели Лабб, Дюшюи, Фабр, Гоар, Валуа, знаменитый “и никем не превзойденный” Дюканж.

Но прежде чем перейти к описанию личностей видных исследователей-византологов раннего периода, Федор Иванович пытается выяснить “мотивы” или, я бы сказала, предпосылки, повлиявшие на проявление интереса к изучению Византии. Обращаясь к историческим источникам, он подчеркивает, что Франция имела преимущество перед другими странами в сфере насаждения на Востоке образовательных, религиозных и торговых учреждений, выделяя значительные материальные средства на эти цели. В течение веков на этой почве развивался глубокий интерес к расширению изучения византийских историков.

Начиная еще со времени крестовых походов французы “полагали в национальный долг патриотизма насаждать и поддерживать в главных торговых городах Ближнего Востока свои колонии в виде обособленной общины... сосредоточенной на

своей отдельной территории”⁴, отсюда тот главный источник “вливания” во Францию византоведения, на пути которого видное место принадлежало миссионерству. Эти первые коммивояжеры готовили рынки для французских товаров, открывали новые пути для торговли. Вместе с тем сюда же следовали дипломаты, а с ними “собиратели рукописей” – люди науки.

Успенский писал об этом: “Литература, составляющая плод архивных исследований, сообщает бесценный материал для освещения последовательного и систематического движения идеи подготовительной стадии византоведения”. Французское правительство издавна ставило задачи, наряду с развитием торгового дела, уделять внимание науке – в свите послов посылали на Восток ученых для приобретения греческих и восточных рукописей. Из приобретений работавших в этом направлении ученых большинство вошло в коллекции Национальной библиотеки в Париже. Французские ученые-историки XVII–XIX вв. получили в свое распоряжение материал громадной важности в области византоведения.

Успенский цитирует историка французской политики на Востоке времен Людовика XVI Пэнго, который со всей определенностью утверждал, что первое место во всестороннем научном изучении Востока принадлежит Франции. “Наша главная доля, – писал Пэнго, – это занятое нами первое место в области всестороннего научного изучения Востока. Хотя наши археологи давно уже опередили деятелей эпохи Людовика XIV и считают возможным забыть о них, но они идут по старому следу, расчищая проложенный путь. Традиция, идущая от благородного антиквара, принятая под французское знамя и разрабатывается египетским институтом и ученой морейской комиссией. Школы нового образования в Афинах, Риме и Каире возвышают ее значение и продуктивность. Они продолжают на средства государства и под правительственным надзором начатое по благородному почину представителем французского дворянства дело”⁵.

Научный интерес к Византии зародился в отдаленные времена, но даже в такой высококультурной стране, как Франция, стимулировался, шел на поводу у политических и коммерческих интересов. Интере-

рес к Византии, к разрушенной турками тысячелетней империи положил начало рождению так называемого Восточного вопроса⁶.

Первые исследователи Византии внесли большой вклад в развитие научного византоведения. И здесь Успенский выделяет французского ученого Шарля Дюканжа (1610–1688), крупнейшего византиниста XVII в., историка и филолога, археолога и нумизмата, о котором ранее писали В.Г. Васильевский и А.А. Васильев⁷. Шарль Дюканж занимался не только изучением фактов, но и вспомогательными науками, необходимыми для понимания истории, лингвистикой, филологией, правом, философией и богословием. Свои многочисленные работы он посвятил истории Византии, среди которых выделяются: “История Константинопольской империи при французских императорах”, “О византийских фамилиях” и “Христианский Константинополь”. Ценным изданием Дюканжа является также комментированный сборник по истории науки, где излагаются важные сведения о византийских историках. Дюканжу принадлежит издание и подготовка “Словаря средневекового греческого языка”, издание гигантского труда – “Словаря средневековой латыни в трех томах”, имевшего большое значение для изучения византийского времени. “Заслуги Дюканжа в организации науки о византоведении, – писал Успенский, – так велики и беспримерны, что результаты его трудов в этой области не пережиты в науке и по настоящее время...”⁸

Уместно сказать, что Дюканж работал не один. В истории известны также французские византологи Бернар Монфокон (1655–1741) и Жан Мабильон (1632–1707) – основатель византийской дипломатики. Ученые называют Мабильона одним из лучших эллинистов своего времени, “столпом новой французской учености”⁹. Он знал еврейский, сирийский, арабский и коптский языки, впервые создал греческую палеографию. Эпоху в византистике составил его труд “Paleographia Graeca”, ставший незаменимым пособием для изучения и датировки греческих рукописей. Монфокон издал пятнадцать томов “Древностей, объясненных и представленных в рисунках”¹⁰.

Успенский признавал, что французским

ученым XVII века принадлежит “громкая” заслуга в изучении и раскрытии содержания произведений византийских писателей. Их комментарии к отдельным произведениям, как и общие вспомогательные пособия, составленные Дюканжем, остаются незаменимыми. Ученый подчеркивал, что юристы, доминиканцы и бенедиктинцы, участвующие в изучении творений византийских писателей, “воздвигли прочный памятник французской науке”, заложив в XVII в. вековой фундамент. Вместе с тем Успенский отмечал, что впоследствии, все XVIII столетие, во Франции почти не обращались к Византии, “которая для века просвещения казалась недостойной внимания”¹¹. И здесь уместно сказать, что наряду с давним интересом к империи существовало в то же время резко отрицательное мнение отдельных ученых о целесообразности изучения византийской истории. Ф. Успенский останавливается на подобных высказываниях известных деятелей культуры и науки, когда в некоторых странах вся средневековая история воспринималась как “готическая”, “варварская” эпоха, как источник мрака и невежества. Византия не была исключением. Лучшие умы этого времени негативно относились к твердой идее монархической власти в Византии, к сильному влиянию духовенства и время от времени давали суровые отзывы о средневековой греческой империи.

В своих трудах А. Васильев приводит высказывания известных личностей своего времени об их отношении к изучению истории Византии.

С резким осуждением всего византийского выступил великий Вольтер. Он критически воспринимал вообще римскую историю императорского периода. “Существует другая история, еще более смешная (ridicule), – писал Вольтер, – чем история римская со времени Тацита: это – история византийская. Этот недостойный сборник (recueil) содержит лишь декламацию и чудеса; он является позором человеческого ума”¹². Такой серьезный французский историк, как Монтескье, одаривший научную общественность в высшей степени содержательными страницами средневековой Восточной империи, писал, что с начала VII в. “история греческой империи... есть не что иное, как непрерывная цепь возмущений, мятежей и предательств”¹³.

Отрицательное отношение к истории Византии, сопровождавшееся пренебрежительным тоном во второй половине XVIII в., сохранилось и в начале XIX в. Известный немецкий философ Гегель в своих “Лекциях по философии истории” утверждал: “Византийская империя была внутри раздираема всякими страстями, а извне теснили ее варвары, которым императоры могли оказывать малое сопротивление. Государство находилось в постоянном состоянии небезопасности и представляло собою отвратительную картину слабости, где жалкие, даже абсурдные страсти не дают ничего великого в мыслях, делах и личностях”¹⁴. Гегель называл Византию “гнилым восточно-римским государством”.

Английский историк Гиббон – человек исключительных дарований – написал историю Римской империи, западной и восточной, до падения Константинополя в 1453 г. Книгу он закончил в 1787 г. Однако автор находился под сильным влиянием идей XVIII в., влиянием эпохи и, как отмечали его современники, в описании византийской империи не мог удачно справиться со своей задачей. Историк Фриман писал, что стиль письма Гиббона не может вызывать уважения к событиям и лицам, о которых он говорит, тем более к продолжению их изучения. Труды Гиббона отличались неистощимым сарказмом, страстью к анекдотам, выпячиванием низких, презренных сторон лиц или событий. Византийская история в изложении Гиббона имела крайне ложное освещение.

В России решающий сдвиг в изучении Византии связан с созданием Петербургской академии наук (1724–1725) и приглашением в нее иностранных, преимущественно немецких, ученых, прошедших более или менее “правильную школу” и принесших с собой научный критический метод исследования.

Привлечение иностранных специалистов было продиктовано необходимостью развития гуманитарных наук в России вновь созданной Академии. Однако, как подчеркивает Э. Фролов, “та быстрота, с которой русские люди усвоили плоды западного просвещения, показывает, что в самой России почва для научного посева была готова”¹⁵. Этому способствовали условия для развития здесь историографической науки, особенностью которого

было знакомство с византийскими летописями и хронографами. Начиная от первых летописцев исторические факты летописей, сказаний переходили в древнерусскую историческую литературу.

Оставили свой след византийские историки и хронисты Георгий Амартола, Иоанн Малала, Константин Манассии, Иоанн Зонарь, Симеон Лагофета и др.

Со временем успехи ученых в разных отраслях гуманитарных наук, в частности в истории Византии, были достаточно высоки. Труды русских византологов привлекали внимание многих ученых-историков. В. Бузескул писал: «Недаром К. Крумбахер, основатель византоведческого журнала “Byzantinische Zeitschrift”, учился русскому языку, чтобы пользоваться трудами русских византистов»¹⁶.

Известный филолог-славист Игнатий Викентьевич Ягич в своей книге “История славянской филологии” писал об этом времени: “Новым духом науки повеяло тогда в России”. В области всеобщей истории это сказалось прежде всего на византоведении и славяноведении, что было связано с научными интересами иностранных ученых, оказавшихся в России и стремившихся познать начальный период ее истории. Понимая, что начало российской истории тесно связано с Византией, немецкие ученые обращались к изучению произведений ее писателей и историков. С этого времени, можно считать, начался ранний этап в истории академической науки и просвещения.

Первым ученым-гуманитарием среди приглашенных в Петербургскую академию наук немцев был исследователь классической древности Готлиб-Зигфрид Байер (1694–1738).

Уроженец Кенигсберга, здесь же Г.-З. Байер получил свои ученые степени: в 1716 г. – бакалавра, в 1717-м – магистра. В конце 1725 г. Байер, уже известный ученый Германии, был приглашен во вновь открывавшуюся Петербургскую академию наук. В академии он избрал кафедру древности и восточные языки, которыми он увлекался еще будучи студентом университета. “Постепенно Байера все более начинает интересовать история и литература Востока: овладев еврейским, он начинает изучать другие семитические языки, а затем, заинтересовавшись историей Китая, приступает к изучению китайского языка.

Его интересы разделяются между античностью, историей церкви и восточными языками”¹⁷.

В России Байер стал крупным ученым, объединявшим в своем лице филолога и лингвиста, историка и археолога. Восточные языки (в частности китайский), древняя российская история и античность были главными предметами Байера, которыми он занимался двенадцать лет в России.

Свои исследования Байер посвящал древней истории Китая, Индии и другим восточным странам, древнейшему периоду российской истории, классической древности.

Первые годы пребывания в Петербургской академии Байер был здесь единственным представителем историко-филологической науки. Не зная русского языка, ученый обращался к самым истокам русской истории, к теме варягов-россов, используя русские летописи, изучая византийские традиции. Он – основатель норманнской теории в вопросе о происхождении российского государства. Это была первая научная концепция начала российской истории, вызвавшая многовековую полемику в научных патриотических кругах.

Оценивая значение трудов Байера, одного из величайших гуманистов и историков своего столетия, Э. Фролов пишет: “Необходимо самым выразительным образом подчеркнуть актуальность проявленного им интереса к зоне культурного взаимодействия античного и передневосточного миров, невероятное опережение им научного диапазона и возможностей своего времени, когда, казалось бы, и помыслить было невозможно о тех областях исследования, которые в новое время будут ассоциироваться с понятием восточного эллинизма и с именами таких общепризнанных новаторов, как И.Г. Дройзен, В.В. Тарн и М.И. Ростовцев...”

...Байер был первым исследователем, который всерьез занялся происхождением и расселением скифских племен, историей их отношений с греческими городами Причерноморья, судьбою тех и других в позднеантичную эпоху”¹⁸.

Работы Байера¹⁹ содержали богатую историческую информацию, по сути, это были первые примеры критической обработки материала с выделением рацио-

нального зерна истины, то ли это касалось восточной тематики, или Древней Руси, Византии, скифов, киммерийцев, гипербореев и других исторических сюжетов. Он явился основоположником нового направления в истории – критического переосмысления традиции.

Продолжателем теории Байера был историограф Г.-Ф. Мюллер (Миллер) (1705–1783 гг.). Как и Байер, Миллер был выходцем из Германии. В Петербургской академии наук он стал работать с 1725 года, занимал должности адъюнкта и впоследствии профессора истории. Миллер известен как исследователь российской истории, сторонник норманнской концепции возникновения российского государства. Ему принадлежит девятитомное собрание “Sammlung russischer Geschichte” (1732–1765), работа “Происхождение народа и имени Российского” (1749), которую Ломоносов называл “предосудительной”, видя в ней “оскорбление российской славы”²⁰. Г. Миллер, как и Байер, часть своих трудов по русской истории публиковал в “Сборнике по русской истории”.

Ссылаясь на работу Миллера “История Сибири”, известный московский византист М.В. Бибииков замечает: “В методическом отношении интересны установки Г.Ф. Миллера, касающиеся использования иностранных источников: им отвергалось некритическое, поверхностное, основанное лишь на внешнем созвучии сопоставление древних этнонимов, топонимов, гидронимов с современными названиями, направленное на их отождествление с целью установления несуществующего сходства данных литературных источников и современных географических и исторических знаний”²¹.

Постепенно византийские источники входили в отечественную историю и играли большую роль в решении острых научных и политических ее проблем, спорных вопросов. Показательными были исследования В.Н. Татищева (1686–1750), “отца”²² дворянской историографии России, привлечение византийские источники к освещению русской истории. В своей книге “История Российская с самых древнейших времен”, сопоставив данные отдельных византийских источников с летописями, историк “показал длительность исторического развития славянства до появления на

Руси норманнов и выступал против ряда выводов Байера и Миллера, преувеличивавших роль последних”²³. Ссылаясь на книгу Л.В. Черепнина “Русская историография до XIX века”, М.В. Бибииков пишет: “Труд В.Н. Татищева рассматривается как новый тип исследования в русской историографии, критически разбирающий собранный богатый материал источников на основе логического подхода. Отметим, например, дифференцированный подход к этническим наименованиям иностранных авторов при четкой постановке исследовательских задач и обосновании методики”²⁴. Далее М. Бибииков подчеркивает, что самостоятельные разделы “Истории Российской” касательно истории скифов, сарматов, чето, готов и других народов написаны на материалах античных и византийских писателей, связанных с отечественной историей.

Большой интерес представляет продолжение полемики с норманистами М.В. Ломоносовым (1712–1765). Его работа «Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера “Происхождение имени и народа российского”» завершает «становление исторического исследования “нового типа”, окончательно отказавшись от летописной формы изложения и отделив авторское начало от передачи источника»²⁵.

Диссертация Миллера, где разбирался вопрос о происхождении названия Русь и народа “Русь”, написана на беглом использовании древних и средневековых источников. О славянах и россах он писал, некритически используя скандинавские саги, выдавая их как достоверные исторические источники. “Миллер изображал древнюю территорию восточных славян как театр действия скандинавских завоевателей, а древнерусское население как пассивный объект воздействия этих завоевателей”²⁶. Его трактовка сводилась к тому, что “россияне” в России “за пришельцев почитаемы быть должны”, что варяги “уже за много веков до Рюрика подчинили Россию своей власти”. Варяги-скандинавы были, по его мнению, тем народом, “от которого Россия не токмо жителями населена, но и имя свое получила”²⁷.

В дискуссии с Миллером, длившейся с 1749-го по 1750 год, Ломоносов, как отмечают наши современники, впервые выступил “как главный борец против антинауч-

ной и клеветнической норманнской теории, искажавшей подлинную историю русского народа”²⁸. Ломоносов выступил не только как ученый, но и как великий русский патриот, создатель новой исторической концепции, которая “разбивала... лженаучную норманнскую теорию и утверждала древность и величие славянского народа, его крупную роль в мировой истории”²⁹.

Конечно, большую роль в исследованиях Ломоносова сыграло обращение великого ученого к глубокому изучению ранней догосударственной истории славян, и в первую очередь – ранних свидетельств византийских источников. Стремясь осмыслить и научно аргументировать роль славян в истории, Ломоносов вместе с тем исследовал и проблемы внутренней истории позднеимперской империи и ранней Византии. Он выступил с опровержением измышлений Миллера и его последователей, извращавших отечественную историю. Доказывая древность происхождения русского народа, Ломоносов призывал исследователей больше внимания уделять летописям, историкам Византии, отвергать трактовку норманистов о второстепенности народа России. Великий энциклопедист Ломоносов в споре с Миллером “развернул богатый запас исторических знаний, обнаружив большую начитанность уже к этому времени в античных и средневековых исторических источниках”³⁰ и наметил впервые свою историческую концепцию автохтонности восточных славян и славянского происхождения русской государственности. “Тем самым, – пишет отечественный византист Г. Курбатов, – Ломоносов оформил основы научного интереса к собственной истории Византии, зачатки отечественного научного византоведения”³¹.

Немецкий ученый Август Людвиг Шлецер (1735–1809) занимал видное место в области исторической критики и изучения русских летописей. Как отмечал Успенский, Шлецер очень настаивал на необходимости всестороннего изучения Византии по ее отношению к русской истории. “Разработку византийской истории, – писал Федор Иванович, – он считал обязательным делом русских историков, и этот призыв почтенного немецкого ученого повторяется затем до последнего времени теми редкими любителями визан-

тийских занятий, которые появлялись на этой скудно возделанной ниве”³². Шлецер являлся автором знаменитого “Нестора”³³, оказавшего большое влияние на развитие источниковедения. В 1763–1764 гг. он составил грамматику русского языка, а в своих трудах широко пользовался древними русскими летописями и византийскими источниками. И, как когда-то французский ученый Дюканж, издатель Лабб, Шлецер призывал русских исследователей “изучать византийцев”, “побуждал Академию проникнуть в неисследованную в России область византизма”³⁴.

В статье Б.Т. Горянова, посвященной Ф.И. Успенскому, автор подтвердил мысль о том, что Шлецер неумоимо “проповедовал необходимость византоведческих занятий в России, указывая, что научная разработка вопросов византийской истории является обязательным, настоятельно необходимым делом русских историков”³⁵.

В 1764 г. А.Л. Шлецером была подготовлена для Академии наук записка “Обзор русских древностей в свете греческих материалов”, в которой ученый писал о необходимости создания свода древнейших иноязычных свидетельств по истории Руси “для сравнения и проверки летописных данных”.

Большую работу проводил также немецкий ученый Иоганн Готтхельф Штриттер (1740–1801). По поручению Академии наук он собирал сведения византийских писателей о народах, населявших в древности территорию России.

В течение 1771–1779 годов вышло пятитомное издание византийских источников, подготовленное Штриттером. Капитальное издание “*Memoriae populorum, olim ad Danubium etc... incolentium*” включает сведения византийцев за весь тысячелетний период существования Византийской империи и долгие годы служило ценным пособием для исследователей ее древней истории, а также истории южных славян.

В 1770–1775 годах в переводе В. Светова вышли четыре тома “Известий византийских историков, объясняющих русскую историю древних времен”, тем самым было положено начало переводам византийских источников на русский язык. После присоединения Крыма начались археологические исследования древних памятников. Одновременно можно говорить

и о начале отечественного востоковедения, поскольку оно тесно связано с изучением Византии, в значительной степени – Ближнего Востока.

Таким образом, первые ростки отечественного научного византоведения относятся к XVIII веку. Однако названные немецкие ученые лишь отчасти занимались историей Византии. Важно было то, что они старались привлечь внимание “ученого русского историка” к изучению империи, указывая на необходимость применения византийских источников для восстановления истинной истории России.

Среди немецких ученых, в свое время приехавших в Россию, первые специальные исследования, посвященные Византии, проводили Иоганн-Филипп Круг (1764–1844) и Эрнест-Эдуард Куник (1814–1899).

Впоследствии В. Бузескул в своих воспоминаниях об Ф. Успенском писал: “Научное византоведение в России началось раньше, чем изучение западноевропейской истории... До 70-х годов XIX в. историю Византии изучали преимущественно переселившиеся в Россию немцы, члены нашей Академии наук – Круг и Куник. Их собственные исследования касались преимущественно варяжского вопроса и т.п. – необходимые предварительные работы, кирпичи для будущего здания византинovedения, но узко-специальные, сухие, детальные”³⁶.

Заниматься русской историей Круг начал с установления правильной ее хронологии, в результате чего появился главный его труд “Критический опыт объяснения византийской хронологии в связи с древнейшей историей Руси” (1810). Об этом монографическом издании Круга говорили, что оно составило новую эпоху в изучении византийской хронологии. Геерен труд Круга справедливо называл фениксом в новейшей исторической литературе.

Известный византинист Газе указывал, что многие поправки, внесенные Кругом в текст византийских авторов, находили себе подтверждение в рукописях, хранящихся в Парижской библиотеке.

Эрнест-Эдуард Куник (1814–1899), воспитанник Бреславского университета, с 1839 г. жил и работал в Москве, с 1842-го – в Петербурге. В.Г. Васильевский посвятил Э. Кунику пространную статью³⁷, где дал

некоторые биографические сведения, указав, что свою научную деятельность он начинал в Москве под крылом профессора М.П. Погодина.

Успенский называл Э. Куника наиболее видным представителем византоведения в академии в первой половине XIX в. Впервые на основании неизданных материалов академик Лаппо-Данилевский издал биографию Э. Куника³⁸, византоведение которого было не только идеей, но и жизненной задачей.

Родился Э. Куник в 1814 г. в Силезии около города Личница, получил образование в Берлинском университете. Важнейшими предметами его изучения были сравнительное языкознание и историческая грамматика. Еще до приезда в Москву своею “жизненной” специальностью Куник избрал славянскую историю и славянскую литературу. Появившись в Москве в 1839 г., он опубликовал в “Москвитянине” (1841) обширный обзор “Литературы истории в Германии за два последние года”, где автор упрекает немецких ученых в неприязненном отношении к славянству, в недостаточном внимании к славянской истории и филологии, увлечении “односторонностью своих немецких средневековых источников”. Он призывает и русских ученых расширить горизонт своего изучения славянской истории. “Внушения и советы, увещания и упреки равномерно направлялись в обе стороны, – писал В. Васильевский. – Обличалось немецкое пристрастие, излишнее влияние патриотического чувства у прусских историков, выходки против всего того, что называется славянским, и особенно против России, осуждалось как политическое ослепление, происходящее большей частью от невежества”³⁹.

М. Погодин писал графу Уварову: “В Москве живет теперь молодой немец Э.Э. Куник из Пруссии, который приехал нарочно изучать русскую историю, как изучал он уже другие славянские, с целью передать потом немецкой публике верные сведения о всех славянских племенах и их литературах, предложить важнейшие сочинения в извлечениях. Этот Э.Э. Куник показался мне с первого взгляда искренне любознательным ученым, и я... пригласил его жить к себе, чтобы руководствовать надлежащим и полезным для России образом к изучению русской истории, и по-

лагаю, что им можно воспользоваться для сообщения чрез него в немецкие журналы верных сведений о России”⁴⁰.

В 1842 г. Э. Куник продолжал свои работы в Петербурге по славянским древностям, и преимущественно – русской истории, составлял полную ее библиографию, т.е. “ученое обозрение” всех ее источников – российских, польских, славянских, немецких, греческих, исландских.

В. Васильевский называет пять направлений, по которым Э.-Э. Куник работал на поприще истории и принес наибольшие результаты: I. Варяжский вопрос, или же вопрос о происхождении Российского государства; II. Византия и значение ее литературы для понимания российской истории; III. История нового российского просвещения – преимущественно при Петре Великом и при его преемниках в связи с деятельностью Академии наук; IV. История западных российских окраин; V. Значение инородческого элемента в российской и славянской истории.

Ф.И. Успенский подчеркивал, что основной задачей А. Куника на протяжении всей его жизни была научная разработка византоведения. Главный его труд – “Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates” (1844–1845) – посвящен варяжскому вопросу, который Куник решает в духе норманнской теории. Здесь одна обширная глава касается Византии, изучению которой ученый придавал большое значение, о чем свидетельствует его доклад в Академии наук под названием “Почему Византия доньше остается загадкой во всеобщей истории?” (1853). Успенский писал, что этот доклад и составленная впоследствии записка могут служить для ученых точкой отправления для вопроса о византоведении в XIX в.

В докладе ученый говорил о значении изучения истории Византии для русских: “Для русских... наступило время освободиться от тяготеющего над ними равнодушия к историческому прошлому Византии, бросающему яркие лучи света на историю всеобщую и в особенности русскую; России нельзя оставаться праздною в виду научной деятельности Европы, давно уже приступившей к рассеянию мрака, скопившегося над Византией; для русских более

чем долг начать в этой области предприятия и окончить их”⁴¹.

Главной задачей славянской истории Куник ставил изображение духовной ее стороны, возвышение ее до идеи. “По Кунику, – замечает В. Бузескул, – ...задача исторической науки исследовать и изображать, как думали, чему веровали и что испытывали в своей душе люди прежних столетий”⁴². Здесь можно видеть влияние Гегеля. Взгляд же на историю очень напоминает взгляды французского историка Фюстеля де Куланжа, который предметом изучения истории считал “душу человека в обществе”. Филолог, уделявший немало внимания разысканию и изучению византийских рукописей, проблемам хронологии, отчасти византийско-русским отношениям, Куник активно ратовал за развитие изучения византийской истории. Его выступления в этом направлении имели широкий общественный резонанс и свидетельствовали не только об энтузиазме ученого, но и о подчеркивании им назревшей необходимости специального обращения к собственно истории Византии.

А. Куник занимался исследованием легенды о Георгии Амастридском, историей основания Трапезунтской империи, разысканиями о русско-византийских монетах. Сознывая значение изучения византийских источников для всеобщей истории, он особо подчеркивал их роль для России.

При большом увлечении византийскими идеями Куник многократно взывал к занятиям Византией, отмечая, что русский народ обязан Византии своим просвещением, христианской верой, давшей силу русским князьям и народу выдержать в продолжение веков деятельное и страдательное противоборство магометанству и наконец освободиться от его ига. Большая часть русской истории, – говорил академик Куник, – есть отражение истории византийской.

И хотя Э.-Э. Куник не дал большого систематического труда по истории Византии, но он оказал огромное влияние на ее изучение в России. И не зря его называли “патриархом византоведения” в России. В своих исследованиях он стремился сочетать лингвистику с историей, применить к истории сравнительный лингвистический и критический метод.

Первые академики Петербургской ака-

демии наук: Байер, Круг, Куник, Шлецер – впервые обратили внимание на связь истории России с Византией, тем самым они были первыми глашатаями и проводниками научного византоведения. Успенский считал, что именно от них начались опыты извлечения мести из византийских писателей к освещению первого периода истории России.

Изучение истории Византии в России началось, как уже отмечалось, раньше истории Запада, но развивалось очень медленно. Проблема оценки Византии здесь и ее наследия особенно остро встала в связи с борьбой “западников” и “славянофилов”. Выдающиеся представители культуры, приверженцы названных направлений, использовали историю Византии для обоснования различных общественных течений: славянофилы – для поддержки их теорий; западники, пользуясь тем же источником, брали те данные, с помощью которых можно было показать отрицательное значение византийской истории и “выяснить всю опасность для России, если бы последняя вздумала следовать заветам погибшей империи”⁴³.

“Западники” представляли Византию как образец консерватизма и застоя. В ее истории видели процесс тысячелетнего распада, только непрерывную цепь придворных интриг, преступлений и переворотов, распушенность, предрассудки, деспотизм. Господствовала мысль, что изучать историю Византии – дело смутное и бесполезное.

В произведении “Былое и думы” А.И. Герцен писал: “Древняя Греция изжила свою жизнь, когда римское владычество накрыло ее и спасло, как лава и пепел спасли Помпею и Геркуланум. Византийский период поднял гробовую крышку, и мертвый остался мертвым; им завладели попы и монахи, как всякой могилой, им распоряжались евнухи, совершенно на месте, как представители бесплодности... Византия могла жить, но делать ей было нечего; а историю вообще только народы и занимают, пока они на сцене, т.е. пока они что-нибудь делают”⁴⁴.

В 30-х годах XIX в. известный “западник” П.Я. Чаадаев в своем “главном труде жизни” “Философических письмах”, которые он считал “системой взглядов”, рисуя черными красками настоящее и прошлое

России, корнем зла считал влияние “растленной”, “жалкой” и “презренной” Византии.

Негативное отношение к изучению Византии время от времени обычно высказывали те деятели, которые никогда не занимались ее историей в научном плане. И это находило свой отклик, в некоторых случаях останавливая движение мысли у отдельных исследователей в направлении изучения Восточно-Римской империи.

Однако со временем отрицательное отношение касательно целесообразности изучения византийской истории кануло в Лету. Не имея научной почвы, оно никогда не было определяющим течением. Важнейшим моментом было то, что с давних времен история Византийской империи привлекала внимание исследователей на Западе, в России и впоследствии в Украине, и со временем эта тенденция стала ведущей в научном мире.

Первые серьезные попытки отечественных ученых в изучении истории Византии относятся к началу XIX в., когда создавались общие сводные истории империи, в которых намечались новые концепции в ее изучении.

В 1818 г. вышла книга П. Наумова “Рассуждения, каким образом Константинопольская империя при всей слабости своей и несмотря на великие нападения разных народов смогла держаться более тысячи лет, между тем как Римская разрушена варварами менее, нежели во сто лет”. И.Д. Ертов в 1837 г. издал в двух частях обобщающую работу “История Восточно-Римской или Константинопольской империи, выбранная из всеобщей истории”. В труде П. Медовикова “Латинские императоры в Константинополе”, изданном в Москве в 1849 г., рассматривая отношения Латинской империи с греческими государствами и Болгарией, автор впервые обращал большое внимание на общественные отношения в Византии, на положение и интересы самих византийцев.

Ф.И. Успенский писал, что Грановский в рецензии на названную работу П. Медовикова резко поставил вопрос о важности изучения византийской истории и доказывал ту мысль, что решение самых существенных пунктов в этой области возможно только русским и вообще славянским ученым.

Знаменитый Т.Н. Грановский подчерки-

вал: “Нужно ли говорить о важности византийской истории для нас русских? Мы приняли от Царьграда лучшую часть народного достояния нашего, т.е. религиозные верования и начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но кроме этих отношений, нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными”⁴⁵. Только славянские ученые могли оценить историческое значение империи, ибо многим Русь обязана Византии.

В 50-х годах один из самых глубоких славянофилов А.С. Хомяков писал: “По нашему мнению, говорить о Византии с пренебрежением – значит расписываться в невежестве”⁴⁶.

А. Васильев отмечал, что сознание важности изучения Византии было налицо у нас уже с середины XIX века.

Из отечественных ученых-византинистов раннего периода известен Александр Петрович Зернин (1821–1866), выпускник Санкт-Петербургского главного педагогического института (1844). По окончании института он был оставлен на год для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории.

В 1846 г. Зернин выдержал испытание на степень магистра русской истории и в 1847 г., по защите в С.-Петербургском университете диссертации “Об отношении Константинопольского патриархата к русской иерархии”, получил степень магистра русской истории. В 1847 г. он был назначен в Харьковский университет адъюнктом для преподавания на философском факультете статистики и всеобщей истории. В 1849 г., после выхода в отставку проф. П.П. Гулака-Артемовского, Зернин стал заведовать кафедрой русской истории, но он продолжал читать еще и лекции по всеобщей истории. В этом же году Александр Петрович защитил в Харьковском университете докторскую диссертацию под названием: “Об учреждении в России патриаршества”. Он получил степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики. В 1851 г. Зернин был утвержден в звании экстраординарного профессора по кафедре русской истории, а с 1854 г. и до конца 1863 г. состоял ординарным профессором.

Для Харьковского университета Зернин в то время сделал немало. Он читал по всеобщей истории курс новой истории, по русской же истории, кроме общих курсов от начала Руси до “возможно к нам близкого времени”, читал лекции по истории Малороссии, Сибири, казачества.

А. Зернин, один из немногих преподавателей 40–50-х гг. XIX ст., придавал большое значение изучению местной истории. Он призывал преподавателей и студентов к исследованию архивов, высказывал уверенность, что в Харьковских архивах найдутся материалы, которые прольют свет на “общественную историю и внутренние отношения края”.

Ученый увлекался также историей Византии. Уже первые по времени его работы обнаружили склонность его к изучению византийско-русских отношений. В университете он читал специальный курс по истории Византии, плодом которого была его работа “Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного” (1858). Рукописное сочинение А. Зернина “Очерки из внутренней истории Византии” свидетельствовало о том, что ученый имел большие планы в изучении империи. В предисловии к “Очеркам” Александр Петрович писал, что вопрос о влиянии Византии на славянские народности является одним из важнейших и потому разработка истории Византии составляет обязанность русских ученых.

А. Зернин решил посвятить многие годы жизни изучению влияния Византии на Русь. Однако тяжелая болезнь надломилась его здоровье и 7 сентября 1866 г. он умер сорока пяти лет от роду, оставив после себя интереснейшие труды по истории Византии.

Византологические исследования первой половины XIX века послужили важнейшим стимулом в углубленном изучении древнейшего и средневекового прошлого России, истории славянских, балканских стран, Европы и Ближнего Востока. Можно сказать, что в это время шла большая подготовительная работа учеными, приведшая впоследствии к быстрому расцвету византоведения.

Своими достижениями в изучении Византии, ее внутренней истории славился Петербургский университет. Уместно назвать имя члена-корреспондента Академии

наук Гавриила Спиридоновича Дестуниса (1818–1895), византоведческие работы которого внесли большой вклад в становление византологии.

Византоведческие интересы Г.С. Дестуниса формировались в лоне его семьи под влиянием отца – Спиридона Юрьевича (1782–1848) – известного эллиниста. Работая русским консулом в Смирне, Спиридон Юрьевич в силу служебной деятельности столкнулся с необходимостью ознакомления с некоторыми материалами византийской истории. Его привлекла составленная в XIV в. “Ручная книга законов, или Так называемое Шестикнижие”, собранная Константином Арменополом. Несмотря на давность ее возникновения, она продолжала сохранять свое значение практического судебного руководства почти до середины XIX в. Византийское наследие во многом сохранялось, и в этом смог убедиться Спиридон Юрьевич, находясь на территории Османской империи.

После возвращения в Петербург, Дестунис-старший занимался переводами “Жизнеописаний Плутарха”, а с 1837 г. по поручению Академии наук – с греческого “Византийских историков”, показывая их значение для изучения российской истории, тем самым он занял определенное место в ранний период истории отечественного византоведения. В свое время государственный канцлер граф Н.П. Румянцев, известный просвещенный меценат науки, поручил Дестунису-старшему составление эллино-русского филологического, согласно новейшим успехам филологии.

Н.П. Румянцеву принадлежала большая заслуга в деле изучения славянской письменности. Он собирал и издавал документальные и литературные памятники древней письменности не только русской, но и вообще славянской. Его деятельность была связана с изучением исторического прошлого России. Древние памятники прошлого воссоздавали из небытия, впервые все шире захватывался неисчерпаемый материал древнейшей истории, и эллино-русские исследования Дестуниса-старшего составляли важнейший этап в развитии не только филологических исследований, но и византологической истории.

Живучесть византийского наследия на многих бывших территориях Византии вызывала большой интерес ученых, и не-

удивительно, что Дестунис-младший – Гавриил Спиридонович – продолжил деятельность отца. Изучая классических авторов, он одновременно исследовал и ранневизантийских. Во время длительного пребывания в Греции главным объектом его изучения была история древней культуры, возрождавшейся здесь, и связь ее с современностью.

Первые труды Г. Дестуниса относятся к 1850 г. Сотрудничая с различными учреждениями Академии наук, он увлекся византийской тематикой. Им был подготовлен ряд византийских изданий: “Исторические сказания инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских... Греческий текст и русский перевод, с историческим введением и картою Эпира и Фессалии в XIV веке”, “Вагопедский список Птолемеевой географии”, “Материалы для рассмотрения вопроса о следах славянства в нынешнем греческом языке”⁴⁷.

Важнейшим моментом в деятельности Г. Дестуниса было его обращение в 1859 г. в университет с предложением организовать кафедру византийских древностей и литературы и новогреческого языка. В решении совета историко-филологического факультета (1860) отражено бытующее к тому времени общее отношение к византоведению и к предложению Дестуниса: отмечено значение изучения “политической и литературной истории Византии по источникам”; важность ее для решения “многих задач древней русской истории”, “древней славянской и русской литературы”; необходимость изучения “также и языка греко-византийского”. Университетский совет, наряду с созданием кафедры, счел нужным привлечь Г. Дестуниса к работе как человека “приобретшего уважение своими учеными трудами по части византийской истории и литературы”.

Кафедра византийских древностей и литературы была создана в 1860 г. Г. Дестунису поручили преподавание новогреческого языка и византийских древностей. Первая вступительная его лекция носила название “О значении византийской образованности”. Лекция представляла собой значительную часть разработанного им курса византийских древностей и литературы⁴⁸.

В названной статье Г.Л. Курбатова при-

водятся архивные материалы, подробно освещающие программу и записи курса византийских древностей Дестуниса, где отражаются принципиальные научные взгляды ученого.

Содержание курса включает материалы IV–VII вв. Прежде всего, ученый пытается ответить на вопрос, зачем нужна Византия для изучения отечественной старины, определить влияние Византии на развитие древнерусского общества, значение изучения культуры Византии для понимания древней русской истории.

Следующее направление, отмеченное в программе Дестуниса, касается проблемы отношений Византии с западноевропейским миром. Принципиально важным является его подход с позиции признания единства путей развития Запада и Востока. Ученый резко выступает против представлений о коренной противоположности западной и восточной истории.

В программной установке Дестуниса особо подчеркивалось, что изучение ближайшего средневекового прошлого поднимает значение изучения византийского материала. Ученый сыграл немалую роль в определении значения византийской археологии. «Бесспорная заслуга Дестуниса перед последующей русской византинистикой заключается в том, – писал Курбатов, – что он обратил внимание на значение изучения среднегреческого языка, византийских памятников, средневековой терминологии. В этом отношении его подготовительная роль для русского византоведения была очень велика, как и его непосредственное влияние на подготовку следующего поколения русских византинистов»⁴⁹.

Известный историк-византолог В.Г. Васильевский назвал Г.С. Дестуниса «патриархом византийских занятий в России»⁵⁰.

Со временем в ученой деятельности Дестуниса все больше преобладала классическая филология. Изучая греческую классику, историю греческой классической литературы, он отдаляется от византологических занятий.

Однако большая заслуга Дестуниса в развитии византоведения очевидна: он впервые в истории университетского преподавания ввел в курс византийских древностей (60-е годы XIX ст.). Васильевский писал об этом, упоминая, что Дестунис читал со студентами византийские источ-

ники, разбирая их как филологическое, так и историческое содержание и оценивая значение для развития византологии. Речь идет о Петербургском университете, где деятельность Дестуниса, его курс сыграли несомненную роль в познании истории Византийской империи. Тем самым, как справедливо отмечал Ф.И. Успенский, византийские занятия начали приобретать популярность в университетском преподавании, хотя собственно кафедры византоведения долго еще не были установлены⁵¹.

Особое значение в ученом мире занимал Дестунис и тем, что он, один из немногих ученых, владел не только древнегреческим языком, но и византийским и новогреческим.

Дестунис был одним из консультантов многих будущих византологов, среди которых – известный впоследствии ученый В.Г. Васильевский, Ф.И. Успенский, В.Э. Регель, Д.Ф. Беляев, В.К. Ернштедт.

Активный создатель первой половины XIX ст., Дестунис в последующие годы сосредоточил свое внимание на издании «Истории» Прокопия, ряда новых византийских средневековых памятников, византийских памятников Константинополя.

Г.С. Дестунис неоднократно выступал горячим поборником создания византоведческого журнала в России, участвовал в подготовке к изданию первого тома «Византийского временника», где было помещено его исследование «Заметки по тексту Феофанова Временника». Великое множество важных византийских источников опубликовал ученый в «Православном палестинском сборнике».

В 1894 г. Дестуниса избрали членом-корреспондентом Академии наук. В 1895 г. Дестунис ушел из жизни, «когда русская школа научного византоведения набирала силу и занимала уже почетное место в мировой византоведческой науке»⁵².

Византология в контексте всемирной истории

Во второй половине XIX в., с 70-х годов начинается новый период в истории византоведения – время небывалого расцвета византийских исследований в большинстве европейских стран. Формировались национальные школы, возникали византоведческие институты, в научный оборот

вводились новые памятники о византийской старине, ее тысячелетней истории.

Ф.И. Успенский отмечал, что в России византоведение развивалось совершенно другим путем, чем в западноевропейских странах. И это отличие проявлялось в том, что большинство исследований относилось к русской истории⁴⁵.

В означенный период ученые все чаще ставили вопрос о том, представляла ли в действительности Византийская империя медленный процесс упадка и разрушения, или же развивалась по тем же законам, под влиянием которых жили народы и государства.

С ростом научной мысли появилась потребность в более тщательном исследовании Восточно-Римской империи в контексте всемирной истории, определении ее влияния на развитие культуры и науки других народов. И это закономерно. Ведь Восточно-Римской империи принадлежало слишком видное место в мире. Ее история имеет большое значение не только в связи со славянским миром, но и восточным, не только с точки зрения западноевропейской истории, но и с общеисторической. Византия – последний остаток античного мира, хранитель наследия эллинской культуры.

На протяжении второй половины XIX в. интерес к Византии в разных странах за-

метно возрастал. Историк древности, талантливый византист Юлиан Кулаковский писал, что этот “новый дух” позитивного осмысления империи, критическое отношение к концепции Гиббона и его приверженцев о тысячелетнем упадке Византии отразились и во Франции, в частности созданием в старой Сорбонне кафедры византийской истории, которую возглавлял в 1899–1934 гг. видный византист Шарль Мишель Диль. Его научные интересы сосредоточились в области византийской археологии и истории искусства, политической истории и истории административного аппарата. В работах Шарля Мишеля Диль со всей определенностью показано значение византийской цивилизации.

В России новая эра в исследовании византийской истории началась в последние десятилетия XIX в., когда к ее изучению присоединились свидетельства фактов и источников, которые ранее игнорировались. Византоведение получило свое развитие прежде всего в университетах: Петербургском, Харьковском, Киевском, Новороссийском. Этот заметный сдвиг в исследовании истории Византии ученые связывали с именами В.Г. Васильевского, Ф.И. Успенского и Ю.А. Кулаковского, ожививших изучение древнерусской истории привлечением византийских источников.

¹ Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081). – С.-Петербург: Алетейя, 2000.

² Васильев А.А. Лекции по истории Византии. – Т. 1. – 1917. – С. 2.

³ Успенский Ф.И. Из истории византоведения в России // Анналы. – 1922. – № 1. – С. 111.

⁴ Успенский Ф.И. Из истории византоведения в России // Анналы. – 1922. – № 1 С. 111.

⁵ Успенский Ф.И. Из истории византоведения в России // Анналы. – 1922. – № 1. – С. 112.

⁶ См.: Лигулевская Н.В. Византия и Восток // Палестинский сборник. – Вып. 23(86). Византия и Восток. – Ленинград, 1971. – С. 3–16.

⁷ Васильев А.А. Лекции по истории Византии. – Т. 1. – 1917. – С. 2; Васильевский В.Г. Обзорение трудов по Византийской истории. – Вып. 1. – С.-Петербург, 1890.

⁸ Успенский Ф.И. Из истории византоведения в России // Анналы. – 1922. – № 1. – С. 114.

⁹ Васильевский В.Г. Обзорение трудов по Византийской истории. – Вып. 1. – С.-Петербург, 1890. – С. 151.

¹⁰ Курбатов Г.Л. История Византии. – Ленинград, 1975. – С. 29.

¹¹ Успенский Ф.И. Из истории византоведения в России // Анналы. – 1922. – № 1. – С. 114.

¹² Васильев А.А. Лекции по истории Византии. – Т. 1. – 1917. – С. 4.

¹³ Васильев А.А. Истории Византийской империи... – С. 44.

¹⁴ Васильев А.А. Лекции по истории Византии. – Т. 1. – 1917. – С. 5.

¹⁵ Фролов Э.Д. Русская наука об античности // Историографический очерк. – С.-Петербург, 1999. – С. 61.

¹⁶ Бузескул В.П. Общий очерк научной деятельности Ф.И. Успенского // Памяти Ф.И. Успенского. – Ленинград, 1929. – С. 51.

¹⁷ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. – С. 63.

¹⁸ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. – С. 67.

Ч. I. – Киев, 2004. – С. 77.

²¹ *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. – С.-Петербург: Алетей, 1999. – С. 19.

²² *Курбатов Г.Л.* История Византии. – Ленинград, 1975. – С. 49.

²³ Там же.

²⁴ *Бибиков М.В.* Византийские источники... – С. 20.

²⁵ *Курбатов Г.Л.* История Византии. – Ленинград, 1975. – С. 49.

²⁶ *Ломоносов М.В.* Том шестой. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765. – Москва – Ленинград, 1952. – Приложение. – С. 551.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. – С. 550.

²⁹ *Ломоносов М.В.* Том шестой. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765. – Москва – Ленинград, 1952. – От редакции. – С. 540.

³⁰ *Ломоносов М.В.* Том шестой. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765. – Москва – Ленинград, 1952. – Приложение. – С. 551.

³¹ *Курбатов Г.Л.* История Византии. – Ленинград, 1975. – С. 49.

³² *Успенский Ф.И.* Из истории византоведения в России // *Анналы.* – 1922. – № 1. – С. 115.

³³ *Nestor.* Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. – Göttingen, 1802–1809.

³⁴ *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч. I. – Ленинград, 1929. – С. 8.

³⁵ *Горянов Б.Т.* Ф.И. Успенский и его значение в византоведении // *Византийский временник.* – Т. I (XXVI). – 1947. – С. 29.

³⁶ *Бузескул В.П.* Общий очерк научной деятельности Ф.И. Успенского // *Памяти Ф.И. Успенского.* – Ленинград, 1929. – С. 25.

³⁷ *Васильевский В.Г.* Э.Э. Куник // *Византийский временник.* – Т. VI. – Вып. 3–4. – 1899. – С. 619–636.

³⁸ См.: *Известия Императорской Академии наук.* – 1914. – № 18. – С. 1455.

³⁹ *Васильевский В.Г.* Э.Э. Куник // *Византийский временник.* – Т. VI. – Вып. 3–4. – 1899. – С. 622.

⁴⁰ *Васильевский В.Г.* Э.Э. Куник // *Византийский временник.* – Т. VI. – Вып. 3–4. – 1899. – С. 621.

⁴¹ *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч. I. – 2004. – С. 82.

⁴² Там же. – С. 85.

⁴³ *Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. – Т. 1. – 1917. – С. 31.

⁴⁴ *Васильев А.А.* Истории Византийской империи... – С. 78.

⁴⁵ *Васильев А.А.* Истории Византийской империи. – С. 7.

⁴⁶ Там же. – С. 79.

⁴⁷ *Курбатов Г.Л.* Из истории возникновения отечественной школы научного византоведения. (Г.С. Дестунис) // *Палестинский сборник.* – Вып. 23(86). Византия и Восток. – Ленинград: Наука, 1971. – С. 182–183.

⁴⁸ *Курбатов Г.Л.* Из истории возникновения отечественной школы научного византоведения... // *Палестинский сборник.* – Вып. 23(86). Византия и Восток... – С. 184.

⁴⁹ Там же. – С. 187.

⁵⁰ *Институт рукописей НБУВ.* – Ф. X. – Д. 14635. – Л. 19.

⁵¹ *Успенский Ф.И.* Из истории византоведения в России // *Анналы.* – 1922. – № 1. – С. 117.

⁵² *Курбатов Г.Л.* Из истории возникновения отечественной школы научного византоведения // *Палестинский сборник.* – Вып. 23(86). Византия и Восток. – Ленинград, 1971. – С. 191.

⁵³ *Успенский Ф.И.* Из истории византоведения в России // *Анналы.* – 1922. – № 1. – С. 117.